

Глава 3

Разговор

Ночь, проведённая на жёстких досках, отозвалась в теле глухой, тягучей болью; спина ныла так, словно позвоночник был готов рассыпаться при каждом движении. Нова, с трудом сдерживая стон, приподнялся на локтях и сел. Дневной свет, пробивавшийся сквозь узкие щели в окнах, подсвечивал мириады кружащихся пылинок. В этих серых лучах обнажённая кожа молодого человека казалась мертвенно-бледной, отчего сеть мелких ссадин и царапин выглядела пугающе багровой.

По привычке он потянулся к изголовью, надеясь нащупать очки, но пальцы коснулись лишь пустоты. Только тогда профессор вспомнил: он не в своей уютной комнате в общежитии. Юноша устало прищурился, пытаясь сфокусировать взгляд на пыльном полу, и обнаружил свою одежду — она бесформенной грудой валялась под кроватью. Раздражённо пробормотав что-то себе под нос, он уже собирался нагнуться за вещами, как вдруг за спиной раздалось вежливое, едва слышное покашливание.

Нова вздрогнул, точно испуганный кот, и резко обернулся, вперив в незваного гостя ошеломлённый взгляд.

Увиденное заставило незнакомца едва заметно вскинуть брови. Будь обстановка иной, он, пожалуй, не удержался бы от усмешки — настолько нелепым был вид этого перепуганного чужака.

— Доброе утро, иноземец. Надеюсь, твой сон был глубоким, — произнёс гость спокойным, удивительно мягким голосом.

Он говорил на всеобщем языке. От неожиданности Нова на мгновение забыл даже о том, что предстал перед посторонним обнажённым, в то время как его приличный наряд всё ещё пылился под ложем.

— Простыни чистые, — добавил незнакомец, деликатно отводя взгляд. — Чуть позже тебе принесут свежую одежду.

Только когда профессор поспешно завернулся в полотно, гость снова посмотрел ему прямо в глаза.

На молодом человеке была белоснежная нижняя рубаха, поверх которой надета свободная индиговая роба без рукавов. С плеч ниспадал плащ того же глубокого синего цвета с широкими складками, расшитый причудливыми золотыми узорами.

Его лицо было слишком совершенным, даже для мужчины — в этой андрогинной красоте сквозило нечто божественное. Подобные черты можно было встретить лишь на полотнах

величайших мастеров прошлого, запечатлевших лики небожителей. Однако за этой юной и дивной внешностью скрывалось нечто иное: безмолвное величие и суровая властность, заставлявшие любого невольно опускать взор. Сидя в неверных лучах утреннего солнца, он казался воплощением героя из древних саг — величайшим из созданий, когда-либо воспетых поэтами.

— Доброе утро, господин. Я тоже рад нашей встрече, — придя в себя, бесстрастно ответил профессор. — Но боюсь, вашим пожеланиям не суждено сбыться. Ложе оказалось слишком жёстким, и я провёл ужасную ночь.

Он держался так, будто неловкой сцены и вовсе не было.

Собеседник на мгновение умолк, но затем вполне благосклонно пообещал:

— Если ты будешь сотрудничать и всё пройдет гладко, сегодня вечером ты получишь постель куда мягче этой.

— И в чём же именно заключается это сотрудничество? — Нова нахмурился.

«Неужели в следующую секунду он скажет что-то вроде: „Мне нужна твоя плоть“ или „Мне нужно твоё сердце“?»

— В честности, — лаконично ответил незнакомец.

Его глаза были глубокого, кристально-синего цвета, а по краю радужки горело странное золотистое кольцо. Нова на секунду замер.

«Мне кажется, я уже видел этот взгляд, но никак не могу вспомнить где...»

Сейчас в этих прекрасных глазах не было и капли мягкости. Они казались острее и холоднее, чем изгиб его губ.

Внезапно воздух в комнате пришёл в движение. Невидимая сила подхватила разбросанную по полу одежду, подняла её и бережно расправила перед гостем, словно рубашку придерживал невидимый слуга.

— ... — Нова застыл.

В этот миг ему показалось, будто по груди ударил исполинский молот с колокольни Университета Белой Башни.

Никаких заклинаний. Никаких магических формул или артефактов. Всё произошло само собой, естественно и непринуждённо. Черноволосый юноша широко распахнул глаза, глядя на гостя с тем неистовым восторгом, с каким учёные смотрят на последний экземпляр вымирающего вида.

Этот человек был Избранным богом.

Весь мир знал, что после кровавой и затяжной Войны Богов Конца Эпохи высшие сущности либо пали, либо погрузились в вечный сон. Божественная благодать иссякла, и на всём бескрайнем континенте Амброуз за последние столетия появился лишь один Избранный богом — Его Величество Кассий II, правитель Империи Серебряного Ириса. Именно это обстоятельство позволяло Империи удерживать две трети материка под своей властью, несмотря на все безумства короля.

И вот теперь перед Новой сидел настоящий, живой Избранный богом. Он двигался, дышал и, более того, вёл с ним беседу.

— Аристократ... — Мужчина указал на рубашку, на манжетах которой серебряными нитями был вышит терновник.

— И горстка матросов, сильнейшим из которых оказался престарелый слуга, — он поднял взгляд, и в его голосе зазвучали ледяные нотки. — Удивительное сочетание.

Выход в открытое море — это всегда риск столкнуться с непредсказуемой стихией или чудовищами из бездны. Какой аристократ, дорожащий своей жизнью, отправится в такое путешествие в компании нищих и слабых моряков?

— Что привело вас к Асачи?

К удивлению собеседника, Нова выглядел ещё более поражённым. Его холодное, всегда серьёзное лицо внезапно ожило:

— Это... пик Асачи?

Асачи на языке древних означало «Место заката и рассвета». Все Идущие на смерть, верные последователи Самуила, бога ночи и смерти, добавляли это слово к своим именам. Но если речь шла о географии, то существовало лишь одно такое место — пик Асачи. Эта заснеженная вершина, принадлежащая Андохальским горам, была высшей точкой всего континента.

Считалось, что никто не может пересечь Асачи, ибо за её хребтом раскинулась лишь пустая бездна. Многие учёные полагали, что эта бездна неразрывно связана с падением богов — это их последнее пристанище, территория, закрытая для смертных.

На мгновение Нове почудилось, будто перед его глазами, хлопая страницами точно крыльями, пролетают сотни недописанных диссертаций.

Собеседник, словно предвидя подобную реакцию, остался невозмутим. Он держался вежливо, но за этой мягкостью чувствовалась непреклонная воля.

Нова заставил себя перестать глазеть на него с тем самым неприличным восторгом:

— Нет, мы оказались здесь по ошибке. «Искатель» направлялся в Порт Серого Моста. Я был приглашён Церковью Сияющего Света на Праздник Рассвета. Но в море мы попали в шторм, и нас сбило с курса...

Внезапно черноволосый юноша ощутил на своих плечах невыносимую тяжесть. Колени его подогнулись, он едва не рухнул на пол. По вискам скатился холодный пот, кожу закололо, точно иголками — казалось, на спину ему опустилась вся мощь океана.

— Честность, господин, — ледяной голос Избранного богом прозвучал прямо над ухом. — Я ведь предупреждал тебя.

— Я не лгу... Я предельно откровенен с вами! — Нова с трудом приподнял голову, чувствуя, как протестующе хрустит его позвоночник. В нём начало закипать раздражение.

— С чего бы Церкви Сияющего Света приглашать на праздник Безбожника? — Мужчина бесстрастно смотрел на него. — С каких пор Рыцари Сияющего Света стали так дружелюбны к еретикам?

Последователи Зефира, бога света и славы, вовсе не были миролюбивы. Напротив, в вопросах веры и прославления своего божества они проявляли фанатизм, который Нове — человеку науки — казался совершенно непостижимым.

Для этих фанатиков иноверцы ещё были терпимы, но Безбожники, не имеющие веры вовсе, подлежали немедленному уничтожению. Нова знал, какими методами они пользуются, и, честно говоря, это вызывало у него лишь тошноту.

Профессор помрачнел:

— Я не понимаю, о чём вы говорите. Это крайне серьёзное обвинение.

Обвинение, за которое перед любым другим трибуналом его бы вздёрнули на виселице.

Избранный богом негромко рассмеялся. Он поднялся и медленно подошёл к юноше. Нова заметил, что гость был выше его самого. Несмотря на пугающую ауру истинного правителя, он

выглядел совсем молодым — едва ли он давно перешагнул порог совершеннолетия.

Впрочем, под гнётом такой силы ни у кого не возникло бы и мысли о пренебрежении.

— От тебя не пахнет ни одним богом, — холодно произнёс Избранный. — Это почувствовал бы любой толковый жрец. Мне крайне любопытно: как тебе удалось дожить до своих лет?

В устах гостя это прозвучало почти кощунственно, будто он говорил о диком звере, метящем территорию. Но Нова, пропустив это мимо ушей, лишь нахмурился, обдумывая слово «запах».

Безбожник поднял голову и, несмотря на бледность, без тени страха встретил взгляд собеседника:

— Что именно вы имеете в виду под запахом? Некую сигнальную информацию феромонов?

— ...

Мужчина озадаченно изогнул бровь. Он вглядывался в лицо Новы несколько долгих мгновений и, к своему изумлению, понял: этот парень не шутит. Он действительно воспринял его слова буквально.

«И что такое „сигнальная информация феромонов“?»

— Думаю, здесь возникло недопонимание. Церковь приглашала не меня лично, а весь Теологический факультет Университета Белой Башни, — Нова продолжал спокойно излагать свои доводы. — Мой род угас, но сам я являюсь профессором. Поскольку у меня не было средств на дорогое судно сопровождения, мне пришлось отправиться в путь с капитаном, который был моим старым знакомым. Что же касается ваших обвинений в отсутствии веры...

Зрачки Избранного богом внезапно сузились. Резкий запах морской соли и холодной воды ударил ему в нос. Этот безумец, завернутый в одну лишь простыню, без колебаний шагнул к нему, склонил голову и глубоко вдохнул воздух у самого его воротника. В наступившей мертвой тишине Нова отстранился и принюхался к собственному запястью, даже не осознавая, что его тонкая шея в этот миг находилась в волоске от гибели.

Затем этот дерзкий Безбожник поднял глаза — в них не было страха, лишь холодное научное любопытство:

— Кроме запаха соли, я не чувствую ничего необычного. Неужели у вас и тех самых „толковых жрецов“ сошниково-лемешный орган всё ещё не атрофировался? Будьте добры, опишите этот запах точнее, чтобы я мог сделать более верное заключение.

Избранный богом молчал некоторое время, а затем внезапно рассмеялся.

Он проигнорировал протянутую к его носу руку, и пугающее давление, сковывавшее комнату, мгновенно исчезло. Смех его был открытым и чистым, в нём чувствовалась юношеская задорность. Прекрасные глаза гостя теперь напоминали мелководье, искрящееся на солнце — такой взгляд невольно вызывал доверие.

— ...Вы оказались совсем не таким, каким я вас себе представлял, — голос гостя вновь стал мягким и певучим, словно он намекал на что-то скрытое.

— Полагаю, нам стоит представиться заново, — он внимательно посмотрел на Нову.

Мужчина коротким жестом коснулся своей груди; прядь золотистых волос, переплетенная с кусочками красного коралла и бирюзы, качнулась у его виска.

— Азука. Азука из Наталина.

— ...Нова Броуди, — Нова моргнул и опустил руку, наконец вспомнив о приличиях. — Как мне следует к вам обращаться?

Он понимал, что вряд ли получит ответы на свои вопросы прямо сейчас. Но достоинство, с которым держался Азука, требовало от профессора ответного уважения.

— У наталинцев нет сложных церемоний. Если хочешь поприветствовать меня — просто коснись кулаком груди, — терпеливо пояснил Азука. — Так мы встречаем незнакомцев, надеясь на добрый ответ.

— ...Я видел, как другие кланялись вам иначе, — медленно проговорил профессор, очертив пальцем круг у лба.

То благоговение, с которым соплеменники встречали своего лидера, произвело на Нову сильное впечатление.

Азука едва заметно улыбнулся.

— Нет, — спокойно ответил он. — Вам так кланяться мне не нужно.

<http://bllate.org/book/15312/1354359>